

Nauka.me 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Номер 1 Том . 2021

Объект в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана

Воробьева Александра Андреевна

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные положения объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана. Подробно анализируется четвероякая структура объекта как взаимосвязи чувственных качеств, реальных качеств, чувственного объекта и реального объекта, в результате взаимодействия которых возникают фундаментальные онтологические структуры времени и пространства. Также затрагиваются некоторые проблемы вытекающие из базовых постулатов системы, такие как отсутствие взаимодействия между реальными объектами и неопределимость "я".

Ключевые слова: Грэм Харман, объектно-ориентированная онтология, четвероякий объект, спекулятивный реализм

Дата публикации: 19.08.2021

Ссылка для цитирования:

Воробьева А. А. Объект в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана // Nauka.me – 2021. – Номер 1 С. 43-53 [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.me/S241328880015245-3-1> (дата обращения: 04.05.2024). DOI: 10.18254/S241328880015245-3

¹ Объектно-ориентированная онтология является направлением в рамках движения спекулятивного реализма, возникшего в первом десятилетии двадцать первого века. Объединение произошло под лозунгом борьбы с корреляционизмом,

как важнейшей проблемой в философии со времен Канта. Квентин Мейясу, Грэм Харман, Гамильтон Грант и Рэй Брасье предприняли попытку построить онтологические системы, в рамках которых объект получил бы свободное от восприятия существование. Под «корреляцией» понимается идея, «согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности»¹. Несмотря на то, что Харман является одним из первых участников движения спекулятивных реалистов, корреляция не является для него первейшим врагом, или можно сказать, что враг не сама корреляция, а особое положение человека в этой самой корреляции. Харман не пытается доказать достоверность или легитимность нашего знания, он не говорит о чистом восприятии вещи как она есть, но он стремится убрать акцент с восприятия человека как центрального, смыслообразующего и разместить периферии в бесконечном множестве объектов. Вместо того чтобы бороться с корреляционизмом, ООО распространяет его на отношения между всеми объектами. Для него «вещь-сама-по-себе» принципиально важна, так как через нее образуется пласт недоступной для человека, но от этого не менее реальной, действительности. Рассеивание очагов взаимодействия объектов и их восприятия друг другом позволяет построить многоуровневую онтологию, которая не будет сводима к одному сознанию. По этой причине проблемой для Хармана является привилегированное положение человека, который на самом деле вступает со столом в отношения, ничем не отличные от отношений самих стола и стула.² Ни для Рэя Брасье, ни для Гамильтона Гранта не существует «вещи в себе», они стремятся показать прямой доступ к реальности, в то время как Харман настаивает на «обходном пути».³ Он не претендует на соответствие человеческого знания объекту познания, но через онтологические построения стремится дать право вещам быть и быть независимыми от воспринимающего. Данное положение можно назвать первым постулатом ООО.

² Второй постулат заключается в том, что каждое единство есть, с точки зрения Хармана, объект, даже если нет того, кто бы смог различить его в качестве целостности. Объект не сводим ни к своим составляющим, ни к своим действиям, подобная характеристика приводит лишь к «подрыву» и «надрыву» объекта, но не может объяснить ни его эмерджентных качеств, ни возможность изменения существующего положения дел.⁴ Поэтому Харман вводит недостижимый для описательных практик пласт реальности, где вещи существуют «сами-по-себе» и обнаруживают себя в феноменальной плоскости лишь отчасти.

³ В основе объектно-ориентированной онтологии лежит принцип продукционизма, то есть в своей системе он не сводит множество к единому, а создает разрывы в тех местах, где их никто и не видел. Объект Хармана имеет четыре составляющих: чувственные качества, чувственный объект, реальный объект и реальные качества. Нельзя сказать, что все они даны в феноменальном опыте, однако продукционист подобно гегелевскому «рассудку» разъединяет синтезы и раскладывает единство на независимые друг от друга элементы.

⁵ Первая составляющая объекта, чувственные качества, в своих философских истоках восходит к «пучку качеств» Юма и понятию «набросков» Гуссерля, под которым подразумевается внутриспсихическое содержание. Это то, что мы обнаруживаем непосредственно в опыте: множество черт объекта вроде цвета, формы и любых других и вторичных, и первичных качеств, деление на которые совершенно не принципиально в хармановской системе⁵. Это различного рода аспекты интенционального объекта, с которыми мы сталкиваемся в данный конкретный момент, но которые не являются самим интенциональным объектом. Харман приводит в пример водонапорную башню: когда человек ходит вокруг нее, башня являет себя через «колоссальное многообразие различных восприятий»⁶, при этом не становясь чем-то новым. Интенциональный объект остается единым, но его окружает слой постоянно меняющихся качеств, которые хоть и открывают новый ракурс объекта, но не меняют его как объект, представляющий следующий элемент хармановского членения.

⁶ Чувственный объект, как единство для воспринимающего всегда дан целиком и без остатка в нашем опыте, но, в отличие от чувственных качеств, он не разрозненный «шумовой фон», а то, чем для нас объект *на самом деле* является. Харман приравнивает чувственный объект интенциональному объекту Гуссерля, однако, как было сказано в предыдущей главе, воспринимая его в качестве внутриментального аспекта объекта в целом. Чувственный объект - это ни в коем случае не «пучок качеств», ведь объект обладает эмерджентными свойствами, а, значит, качества не могут охарактеризовать его в полной мере. «Мы достигаем объекта не путем последовательного сложения его возможных явлений для нас, а путем их вычитания»⁷. Можно сказать, что чувственный объект - это идея вещи, которая существует исключительно для нашего сознания и помогает выделить этот самый объект как целостность из непрерывного потока восприятий. Однако, несмотря на разницу между потоком качеств и единым объектом последний все еще не представляет никакой потаенности, он полностью и избыточно дан в опыте. В этом его коренное отличие от реального объекта.

⁷ Постулирование последнего важно для Хармана как способ манифестации реальности вне человеческого сознания и вне чьего-либо сознания вообще. Эта посылка выделяет философию Хармана из течения спекулятивного реализма, как принципиально отличную по своим онтологическим первоосновам. Вместо попытки доказать познаваемую и доступную сознанию действительность он делает каждую вещь закрытой для любой такой же вещи. Как я не могу знать, чем является стол, исключенный из моего восприятия, так и стол не может столкнуться с моим действительным существованием. Поэтому реальный объект - это всегда недоступная нам, как и любому восприятию, реальность, которая изымается из всякого опыта, неважно, чей это опыт: человека, стола или сети магазинов. Можно сказать, что реальный объект - это кантовская «вещь-сама-по-себе», которая вводится постулативно и дает вещам право на собственную жизнь вне человеческих смыслообразующих рамок, которые заставляют вещи быть тем, чем воспринимает их сознание.

⁸ И последним элементом являются реальные качества. Их можно охарактеризовать как эйдос, совокупность черт, которые в противовес

акциденциям являются необходимыми, неотъемлемыми характеристиками объекта для сохранения его идентичности. Эти качества Харман возводит опять же к философии Гуссерля, который, по словам первого, «ошибочно разделяет сферу чувственного и рассудочного»⁸, определяя категориальное созерцание как единственный путь обнаружения эйдетических качеств. Для Хармана созерцание чувственное и категориальное в равной степени созерцания, не выходящие за пределы имманентного, и рассудок не имеет никаких привилегий в доступе к реальности, по этой причине Харман постулирует особый путь постижения эйдоса: «окольный путь аллюзии».

⁹ Харман в своих работах довольно часто использует различного рода метафоры, не зря огромное значение для объектно-ориентированной онтологии играет эстетика, ее мир - это мир загадочный, таинственный, многое в нем мы не способны уложить в какие бы то ни было схемы, ко многому можем приблизиться исключительно через поэтическое сравнение. Харман не говорит об интуиции напрямую, однако, его явно не удовлетворяет дуальная классификация методов познания. Мир не так прост. Он подчеркивает, что и чувственное и рациональное созерцания не могут схватить многие аспекты реальности. И он не первый приходит к такому выводу, в Средние века об интуитивном способе восприятия (*intuitiva*) говорил Дунс Скот, в Новое время эту идею транслировал Декарт. Пусть специфика интуиции в системе каждого философа совершенно различна, однако сама идея наличия третьего способа постижения реальности дает повод для проведения аналогии.

¹⁰ **Связи**

¹¹ Итак, Харман рисует многоуровневую систему объектов и качеств, принципиально не сводимых друг к другу. Чувственный и реальный объекты - независимые единицы. Чувственный стол и реальный стол абсолютно автономны: если первый существует только для чьего-то восприятия, то второй есть то, чем стол является *на самом деле*, оставаясь при этом недоступным ни одному воспринимающему сознанию. Но объекты все же обладают существенными сходствами, можно даже сказать, что они имеют косвенную связь, посредниками в которых являются качества. И чувственный, и реальный объекты поделены на два полюса двумя видами качеств, безусловно, не становясь при этом самими качествами. В результате этого между ними образуются различные виды связей.

¹² Первая связь – сочетание чувственного объекта с чувственным качеством - это отношения, которые возникают перед нами постоянно и представляют наше восприятие объекта с его множеством акцидентальных качеств. Эти качества всегда избыточны по отношению к объекту, происходит «инкрустация» поверхности чувственного объекта качествами.⁹ Объект, благодаря чувственным качествам, явлен нам с излишней детализацией, которая вовсе не необходима для его идентификации. Чувственный объект изначально соединен с чувственными качествами и поэтому для возникновения связи происходит механизм «расщепления полюсов». Далеко не всегда мы сосредоточены на неизменных чувственных объектах, в нашем восприятии может произойти резкое смещение за

счет «узнавания» или «опознавания», когда мы вдруг обнаруживаем качества, коренным образом изменяющие наше определение объекта. По мнению Хармана, в этот момент происходит «кратковременная разбалансировка между чувственными объектами и их качествами»¹⁰. Как это случается, например, на знаменитой гештальт-картинке утки-зайца.

¹³ Для меньших притязаний на сознательность данных процессов, которые в равной степени присущи и людям, и «примитивным» объектам вроде скал и грядок с земляникой, Харман называет отношения чувственных объектов и их качеств «конфронтацией» (confrontation)¹¹. Благодаря конфронтации возникает время. Однако время, понятое не как последовательность мгновений, поток феноменов, распадающихся в бессвязный «калейдоскоп ощущений»¹², но нечто, что мы можем воспринимать в качестве целостности. Харман по-своему перенимает опыт Хайдеггера, для которого прошлое и будущее всегда присутствует в настоящем, растягивая последнее в противоположных направлениях. Так, в ООО за счет постоянной смены чувственных качеств мы можем ощущать движение времени, но при этом всегда сохраняем целостность этого движения - благодаря чувственным объектам. Чувственные объекты в противовес качествам представляют собой относительную устойчивость, дающую нам возможность не утонуть в феноменальном потоке, но, в то же время, сама целостность является нам «инкрустированной сменяющимися чертами», что позволяет различать этапы временного процесса.

¹⁴ Чтобы сохранять свою идентичность при всех ситуативных ракурсах, чувственный объект должен содержать специфические, определяющие его идентичность характеристики, что возможно благодаря его союзу с полюсом реальных качеств. «Феномены в сознании были бы лишь пустыми полюсами единства, если бы не имели какого-либо определенного характера, и этот характер образуется из реальных эйдетических качеств».¹³ Происходит «погружение» качеств в объект, они «затоплены под его поверхность».¹⁴ Чувственный объект всегда «сплавлен» с эйдетическими качествами, для того чтобы «расщепить» эти полюса, мы совершаем теоретические усилия, поэтому Харман вводит понятие «теория» (theory)¹⁵, как механизм реконструирования существующей связи, которую мы так же не можем в полной мере описать рационально.

¹⁵ Далее, связь между реальным объектом и реальными качествами. Реальный объект для того, чтобы быть чем-то, а не ничем, должен отличаться от других реальных объектов. Ему необходимы характеристики, которые являясь так же непознаваемыми, как и сам объект, будут формировать его сокрытую идентичность. Как монады Лейбница обладают множеством качеств, оставаясь едиными, так и реальный объект Хармана через причастность реальным качествам приобретает свою «самость». Натяжение, образующееся между полюсами реального объекта и реальных качеств, формирует сущность (essence), что, однако, порождает ряд проблем. Получается, что изначально объект сущностью не обладает, а приобретает ее в результате случайного взаимодействия с реальными качествами. Поэтому, при определенном стечении обстоятельств, она может и не

возникнуть. Мы оказываемся в странной ситуации зависимости наличия идентичности объекта от неустойчивой связи с реальными качествами.

¹⁶ Но, кроме того, реальный объект изливает себя в чувственных качествах, давая намеки на свое существование в феноменальной плоскости. «Потаенный подземный молоток каким-то образом переводится в чувственное присутствие посредством поверхности, доступной мысли или действию».¹⁶ И связь чувственных качеств с реальным объектом ничуть не слабее, чем с объектом чувственным. Вид связи между данными элементами Харман называет «аллюром» (allure) или «прелестью». За счет нее возникает пространство. В вопросе определения пространства Харман не соглашается ни с Лейбницем, ни с Кларком: для него оно не может являться ни абсолютным вместилищем, ни отношением между вещами. По его словам, пространство - это «место отношения и не-отношения»¹⁷. Дело в том, что в той или иной мере соприкасаясь с объектом, мы никогда не можем исчерпать его реальности. Как бы ни являл себя нам этот объект в чувственных восприятиях, это всегда не объект целиком. Харман приводит в пример город, который мы не можем обзреть полностью, находясь в одной из его частей¹⁸. Мы вынуждены признать наличие чего-то большего, того, что в данный момент нами не воспринимается. Это союз объективно существующей реальности и нашего фрагментарного восприятия этой реальности, который привносит ощущение пространства через недостаточность данности. Именно наличие потаенного, сокрытого пласта в многоуровневой структуре объекта позволяет Харману описывать многие трансцендентальные механизмы, благодаря этому «онтологический синтез он сводит на уровень самих объектов, то есть выполняет его непосредственно в их строении и соотношении друг с другом».¹⁹

¹⁷ Где заканчивается объект?

¹⁸ Итак, что представляет из себя хармановская онтология в самых общих чертах? Исходным принципом является положение, что «есть только реальные объекты и больше ничего»²⁰, точнее говоря, они составляют исходную самодостаточную реальность, замкнутую за счет того, что реальные объекты не могут напрямую сталкиваться друг с другом. Дальнейшие построения призваны устранить вытекающие из данного постулата проблемы. Так, отсутствие прямой связи между реальными объектами приводит к невозможности любой их артикуляции, мы даже не можем говорить о существовании общего для всех реальных объектов пространства, потому что таковое предполагало бы определенного рода отношения между элементами, что недопустимо. Объекты не могут перемещаться, не могут соотноситься друг с другом, они лишаются реальности как пространства «между», нельзя даже говорить, что объекты разные, потому что отличие невозможно без отношения.²¹

¹⁹ Все это следует из базовых положений системы. В этой ситуации вселенную объектов ничто не удерживает от схлопывания в единый объект или просто - в Единое. Однако Харман как продукционист не принимает единства мира, холизм в такой форме ему чужд. Он может говорить о целостности объектов,

при всей сложности и раздробленности их структуры, но не о целостности мира вообще²². Можно сказать, что объектно-ориентированная онтология предстает как разновидность антиэссенциализма, «где вместо «единичных фактов» оказываются единичные объекты».²³

²⁰ Называя каждую целостность объектом, Харман наделяет этим статусом и интенции сознания. Он пересматривает понятие интенциональности, тем самым вновь делая актуальной проблему взаимосвязи воспринимающего с объектом восприятия. Если для Гуссерля и Хайдеггера интенциональность как ключевое, сущностное свойство сознания позволяла интенциональному объекту и сознанию существовать исключительно в связке, то отсутствие такой структуры приводит к необходимости поиска нового пути преодоления гносеологической оппозиции субъекта и объекта.

²¹ Хармановская интенция имеет структуру, в общем виде которую можно выразить как связь чувственного объекта и воспринимающего его объекта реального. Однако этот новый объект-интенция - продукт не чувственного и реального объектов, а двух реальных, один из которых входит в отношения только через своего посредника. «Две сущности влияют одна на другую только при встрече внутри чего-то третьего».²⁴ Данное взаимодействие становится возможным благодаря двум факторам. Во-первых, за счет посредничества чувственного объекта, который оказывается не частью сознания, но «равноправным партнером»²⁵, что формирует его двойную природу, так что Харман выводя чувственный объект из ментальной области сохраняет одновременно и его субъективный, и объективный аспекты. С одной стороны, он связан с единственным воспринимающим его объектом, с другой – он не существует внутри этого восприятия. И, во-вторых, образуется поле для контакта в виде интенции как реального объекта.

²² Таким образом, Харман, с одной стороны, трактует интенциональность как непосредственную поглощенность интенционального объекта объектом чувственным, но при этом делает саму интенциональность независимым объектом. Постоянно происходит переход от «непосредственности» и «искренности» феноменального опыта к «целому объекту»²⁶. Кажется, желание дать любому единству статус объекта подводит Хармана и лишает его систему важного звена, связующего все элементы. Постулирование интенции-объекта как поля, в котором происходит взаимодействие реального объекта с другим реальным через чувственный формально обрисовывает эти отношения, но не объясняет причин самой их возможности. «Если интериорность «возникает» вследствие соединения и связи объектов, она никак не может быть условием такой связи.»²⁷

²³ Однако эта двусмысленность раскрывает важную проблему, с которой вынужден столкнуться всякий изучающий процессы познания. Каждый раз, делая объектом рассмотрения саму интенцию, мы обнаруживаем ее в составе уже новой нашей интенции. Мы не можем сделать объектом познавательно-описательных практик саму направленность сознания. В этой ситуации мы вынужденно приходим к дурной бесконечности. Проблема неуловимости движения мысли, не

воспринимаемости самого восприятия в чистом виде, это то, над чем в данном случае рефлексивует Харман. Вследствие этого мы можем точно охарактеризовать интенцию лишь во втором смысле, то есть как объект уже новой интенции, однако о более подлинном запечатлении направленности восприятия, то есть «поглощенности» и «искренности», не может быть и речи.

²⁴ Дело как раз в том, что Харман хочет показать саму двойную природу интенции, для которой в изначальном смысле сущностным качеством будет «недоописуемость» в рассудочных категориях, «несхватываемость» чувствами и существование всегда здесь и сейчас в качестве «поглощенности» одного объекта другим. И лишь во втором смысле мы можем говорить об интенции как о «поле» и объекте.

²⁵ Так, Харман предлагает вариант преодоления проблемы отношения объектов и основанного на нем различения через введение опосредованных взаимосвязей в чувственной сфере. Важную роль в этом играет базовая интенциональность как постоянное нахождение объекта в среде²⁸. Эта интенциональность призвана окружить объекты реальностью. Среда - это то, что объекты конструируют самостоятельно, они не обладают никакой иной реальностью кроме той, которая сложена из них самих. Объекты уже не витают в вакууме, они обретают атмосферное поле для активных манипуляций. И в данных условиях между ними возможна только «замещающая» связь.

²⁶ По словам Хармана, он синтезирует идеи Юма и Мальбранша, определяя интенционального агента как замещающую причину феноменов и утверждая необходимость воздействия реального объекта на связь между чувственным объектом и другим реальным.²⁹ И скептицизм, и окказионализм, по его мнению, говорят о непрямом взаимодействии между телами, в одном случае соединяющей силой будет воля всемогущего Бога, в другом - человеческий опыт. Бог определяет отношения на объективном уровне, опыт - на субъективном. Харман же, желая преодолеть эту оппозицию, делает творцом взаимодействий потаенный в глубинах реальности объект, с одной стороны; с другой стороны, вводит интенциональный агента, благодаря которому происходит формирование специфики восприятия, а значит, и взаимодействия между объектами. В попытке связать эти две теории Харман лишает обе характерных моментов: реального объекта, который должен занять место Бога в системе Мальбранша, он обделяет активностью, а область опыта делает менее пассивной. Харман желает сбалансировать эти два полюса для демонстрации взаимного формирования пласта феноменального и объектом воспринимающим, и объектом восприятия.

²⁷ В качестве примера Харман приводит взаимодействие огня и хлопка. Для огня как реального объекта существует чувственный объект хлопка, а для реального хлопка - чувственный объект огня. Они не способны взаимодействовать напрямую, однако нельзя сказать, что они сталкиваются просто с качествами друг друга: «огонь не сжигает «белизну», «горючесть» или «хлопковость» хлопка, так же как камень не рушит «хрупкость» или «стеклянность». Напротив, огонь сжигает хлопок (cotton), а камень разбивает окно.»³⁰ В момент «встречи» огонь «искренне» поглощен хлопком и воздействует на него через чувственный объект,

существующий вместе с ним в плоскости интенции. Тем не менее, взаимодействие между объектами так или иначе происходит: огонь все-таки сжигает хлопок, интенциональный агент достигает своей цели. Что при этом происходит: хлопок прекращает свое существование как объект или же эссенциальные качества хлопка продолжают свое существование, несмотря на «физическое» уничтожения объекта, которому они принадлежат? В последнем случае мы приходим к пониманию реальных объектов как идей. Притом абсолютно от нас независимых идей, которые существуют в реальности, вынесенной за пределы имманентного мира.

28 В этом заключается одна из проблем объектно-ориентированной онтологии: Харман постулирует независимые объекты и наличие сущностей у всех объектов, однако не дает четкой формулировки, что эта сущность представляет и почему она не всегда может возникнуть. В соответствии с постулатами ООО о натяжении между реальным объектом и реальными качествами можно точно сказать, что сущности как отношения между этими двумя полюсами уже не будет вследствие уничтожения одного из полюсов. Но вопрос о существовании или не существовании реальных качеств после исчезновения реального объекта остается открытым, как и вопрос о принципиальном различии реальных и эйдетических качеств.

29 **Что такое объект?**

30 Еще одним связанным с этим вопросом является определение идентичности объекта. Харман последовательно говорит, что идентичность вещи заключается в простой самождественности объекта самому себе.³¹ Но учитывая структурную сложность объекта, можно выделить различные типы тождественности: с одной стороны, для реального объекта это «то, чем он является», то есть простое соответствие самому себе, и эта идентичность абсолютно независима от сознания и восприятия. Но при этом Харман игнорирует проблему идентификации в ее связи с сознанием, которое все так же, несмотря на утерю центрального положения в объектно-ориентированной онтологии, продолжает играть принципиальное значение. И в этом случае вопрос имеет две стороны в соответствии с составляющими интенции как объекта. Во-первых, чувственный объект приобретает свою идентичность всегда в связи с воспринимающим - это то, что он есть для сознания. Это проведение дефиниций на уровне восприятия одного объекта другим. Реальный объект расщепляется на чувственные копии, воспринимаемые другими реальными объектами, и предстает в виде чувственного объекта. В качестве посредника эти копии были бы не слишком достоверным источником для осмысления подлинной реальности, если бы воспринимающий каким-то образом,- возможно, интуитивным,- ни схватывал комплекс реальных эйдетических качеств.

31 Но больший интерес представляет то, что чувственный объект как единственный вид реальности, с которой интенциональный агент может столкнуться напрямую, представляет собой нечто «иное» для восприятия, за счет чего возможна еще одна идентичность, которую Харман не выделяет в отдельный вид: это идентичность сознания. Как может реальный объект воспринимать себя?

Действует ли «я» объекта как объект реальный или же как чувственный объект самого себя. Ведь на самом деле совпадение реального «я» и его феноменальной проекцией совсем не обязательно. Если реальный объект это всегда «глубина», сокрытость, несводимость к действиям и составляющим, то может ли объект как целое вместить в свою идентичность недоступное никому содержание? Для Хармана ответ однозначный – нет. Объект в полной мере не доступен даже для себя. Раз так, то ничто не мешает сознанию воспринимать свое «я» чем угодно, и Харман с необходимостью должен был бы прийти к этому заключению, если бы стал доказывать тезис о реальности «я»-объекта, непосредственно взаимодействующего с чувственным объектом.

³² Поэтому проблема «Я», при исключении возможности абсолютного познания себя как реального объекта, расщепляется на два пути решения. Либо «я» объекта – это всего лишь феноменальное «я», поток впечатлений, ощущений, восприятий, сливающихся в некое условное единство; либо «я»-это реальный объект, у которого возможно произвольное феноменальное «я».³² И ответа на этот вопрос у Хармана мы не находим. Конечно, в борьбе с корреляционизмом он пытается говорить о независимом бытии объектов и это действительно можно принять как постулат, но ведь Харман не устраняет восприятие вообще и не лишает сознание способности влиять на конструирование чувственного объекта. Поэтому мы все еще можем говорить об идентичности сознающего. Хоть человеческое восприятие и лишается привилегированного положения через онтологические установки, но вытекающие из таковых эпистемологические последствия нуждаются во многих теоретических уточнениях.

³³ Таким образом, Харман делает основой своей онтологии сложную структуру объекта, в которой одной осью становится «чувственность-реальность», а второй - «объект-качество». В этой структуре объект обретает многозначность и возможность существовать как для сознания, через опосредование чувственным объектом, так и «самому-по-себе». Мир расслаивается на множество уровней, среди которых человеческое восприятие занимает положение лишь одного из возможных, но не первичных. Исходной точкой становятся не гносеологические попытки нащупать реальность, но онтологические постулаты, которые в свою очередь определяют эпистемологические возможности. Многие моменты в ООО остаются не проясненными, некоторые требуют уточнения, такие как идентичность, сущность объекта. Однако, как говорил сам Харман, нам нравятся те или иные философские течения не за отсутствие противоречий и окончательность предлагаемых решений, а за особый способ мысли, который они нам открывают.

Примечания:

1. *К.Мейясу* «После конечности» Кабинетный ученый Екатеринбург-Москва 2017- с.11

2. *Г. Харман* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.- Пермь:Гиле Пресс,2015. -С.137

3. Там же

4. *Г. Харман* Имматериализм. Объекты и социальная теория//Москва 2018 -С.17-19

5. *Г. Харман* О замещающей причинности /перевод с англ. А.Маркова/ >>>> , >>>> -С.9
6. *Г. Харман* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.- Пермь: Гиле Пресс,2015. –С.34
7. Там же.- С.34
8. *Г. Харман* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.- Пермь: Гиле Пресс,2015. - С. 37
9. Там же-С. 38
10. Там же-С. 104
11. Там же-С.104
12. Там же-С.101
13. Там же-С. 57
14. Там же-С. 38
15. Там же-С. 105
16. Там же -С.57
17. *Г. Харман* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.- Пермь: Гиле Пресс,2015.»- С. 101
18. Там же - С. 101-102
19. *Д.Кралечкин* О сургуче и капусте/ Логос. 2014.- №4–С.308
20. *Д. Кралечкин* О сургуче и капусте/ Логос. 2014.- №4–С.305
21. *Д. Кралечкин* О сургуче и капусте/ Логос. 2014.- №4–С.306
22. *Г. Харман* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.- Пермь:Гиле Пресс,2015. – С. 123
23. *О. В. Головашина* Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана// Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1 - С.8
24. *Г. Харман* О замещающей причинности /перевод с англ. А.Маркова/ >>>> , >>>> -С. 4
25. *Г. Харман* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.- Пермь: Гиле Пресс,2015.»- С. 115
26. *Д. Кралечкин* О сургуче и капусте/ Логос. 2014.- №4. –С.313
27. *Д. Кралечкин* О сургуче и капусте/ Логос. 2014.- №4. –С.313
28. *Д. Кралечкин* О сургуче и капусте/ Логос. 2014.- №4. –С.306
29. *Г. Харман* О замещающей причинности /перевод с англ. А.Маркова/ >>>> , >>>> -С. 13
30. Harman G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Chicago: Open Court, 2005.- P. 170.
31. *Г. Харман* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.- Пермь:Гиле Пресс,2015. - С.79
32. *Д. Кралечкин* О сургуче и капусте/ Логос. 2014.- №4-С.311

Библиография:

1. Головашина О. В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана //Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – №. 1.

2. Кралечкин Д. О сургуче и капусте //Философско-литературный журнал «Логос». – 2014. – №. 4 (100).
3. Мейясу К. «После конечности». М.: Изд-во "Кабинетный ученый". Екатеринбург-Москва. – 2017.
4. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория/пер. с англ. //А. Писарева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. – 2018.
5. Харман Г. О замещающей причинности пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. – 2012. – №. 2. – С. 75-90.
6. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. //А. Морозов, О. Мышкин. Пермь: Гиле Пресс. – 2015. – Т. 152.
7. Harman G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Chicago: Open Court, 2005.

Object in Object-oriented Ontology by Graham Haman

Aleksandra Vorobeva

State Academic University for the Humanities

Russian Federation, Moscow

Abstract

This article discusses the main provisions of the object-oriented ontology of Graham Harman. The four-fold structure of an object is analyzed in detail as the relationship of sensory qualities, real qualities, a sensory object and a real object, as a result of the interaction of which the fundamental ontological structures of time and space arise. Some problems arising from the basic postulates of the system, such as the lack of interaction between real objects and the indeterminacy of the "ego", are also addressed.

Keywords: Graham Harman, object-oriented ontology, speculative realism

Publication date: 19.08.2021

Citation link:

Vorobeva A. Object in Object-oriented Ontology by Graham Haman // Nauka.me – 2021. – Issue 1 С. 43-53 [Electronic resource]. URL: <https://nauka.me/S241328880015245-3-1> (circulation date: 04.05.2024). DOI: 10.18254/S241328880015245-3